

УДК 81.2

МАКРООБРАЗ «ДВОЙНИК» В ЛИРИКЕ А. БЛОКА: ГЕНЕЗИС И АЛЛЮЗИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

СУББОТИНА Марина Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка,
современной русской и зарубежной литературы,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается вопрос о влиянии поэтического наследия М. Ю. Лермонтова на формирование идиостиля одного из самых ярких поэтов XX века – А. А. Блока. Использование возможностей мотивного анализа, основанного на выделении ключевых макрообразов, создающих мотивное пространство, и выявлении их семантической структуры, состоящей из определенного набора семантических составляющих, позволило по-новому взглянуть на генезис блоковского макрообраза Двойник.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мотив, символ, макрообраз, семантическая структура, семантическая составляющая, семантическое поле, аллюзия.

“DOUBLE” MACROIMAGE IN A. BLOK’S POETRY: ITS GENESIS AND ALLUSIONS

SUBBOTINA M.V.,

Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Russian and Foreign Literature,
Voronezh State Pedagogical University

ABSTRACT. The article discusses the impact of M. Yu. Lermontov’s poetic heritage on the development of idiosyle of A. A. Blok, one of the most prominent poets of the twentieth century. The author provides a new insight into Blok’s ‘Double’ macro image genesis by using the possibilities of motif analysis, based on the identification of key macroimages creating a motif space, and the examination of their semantic structure which consists of a set of semantic components.

KEY WORDS: motif, symbol, macroimage, semantic structure, semantic component, semantic field, allusion.

Мотив двойничества, возникший в английской и немецкой поэзии романтизма, на русской почве просуществовал около ста лет.

А. Б. Криницын говорит даже о формировании субжанра стихотворения о двойнике, «при том что поэты рассчитывают на узнаваемость и однозначность истолкования данной литературной аллюзии» [1]. Этот мотив нашел отражение в творчестве и признанных гениев, таких как А. С. Пушкин и Н. А. Некрасов, и поэтов «второго эшелона»: Н. Огарева, М. Михайлова, Я. Полонского, А. Толстого, К. Фофанова, А. Майкова. К образу двойника в эпоху модернизма обращался И. Анненский, но особенно ярко воплотился мотив двойничества в творчестве Александра Блока.

В основе этого феномена лежит концепция двоемирия, оказавшаяся чрезвычайно близкой именно «снеговому певцу» русской лирики – его лирический герой существует в двух измерениях: пошлом мире серой, унылой действительности, где правят разврат и скука, и мире идеальном, осененном присутствием Прекрасной Дамы. Он создан воображением поэта, но подчас оказывается для него более реальным и ярким, чем тот, где он вынужден жить.

По словам Д. Е. Максимова, двойничество «принимало у Блока разные формы и сопровождало его поэзию на всем ее протяжении». Исследователь обращает внимание на то, что «первая фраза, открывающая дневники Блока, содержит признание в собственном раздвоении», считая это предпосылкой к двойничеству [2, с. 215]. А двойника из одноименного стихотворения исследователь прямо называет персонификацией авторского сознания, «уже

принявшего частицу страшного мира» [3, с. 152]. Действительно, словесный образ Двойник, интерферируя из одного лирического стихотворения в другое, принимает самые разные обозначения: старик, нищий дурак, стареющий юноша, соблазнитель, джентльмен, вампир, обмызванный кот, Арлекин – Пьеро, брат мой кровный:

Там, где на улицу, в звонкую давку,
Взглянет и прячется розовый лик, –
Там мы войдем в многолюдную лавку, –
Я – Арлекин, и за мною – старик.

[4, с. 200]

Зима прошла. Я болен.

Я вновь в углу, среди книг.

Он, кажется, доволен,

Досужий мой двойник.

[4, с. 273]

Сновидец в розовой дреме

Ты – опрокинутый над бездной –

И долу грезой бесполезной

Поникший кормщик на корме.

Так двойники – свершений нить –

Во мраке дня, тоскуя, рыщут,

И двое – бесполезно ищут

Друг друга в Третьем воплотить.

[4, с. 252]

Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный

Решал все тот же я – мучительный вопрос,

Когда в мой кабинет, огромный и туманный,

Вошел тот джентльмен. За ним – лохматый

пес.

[4, с. 27]

Поскольку двойничество имеет ярко выраженную демоническую природу, а двойника нередко называют демоном, представляется очевидным, что этот чрезвычайно важный для поэтики и филосо-

фии А. Блока макрообраз имеет аллюзивную природу и его истоки следует искать прежде всего в лермонтовской поэме «Демон». Анализ семантической структуры макрообраза **Двойник** убедительно демонстрирует этот впечатляющий генезис.

Сформированный в макротексте блоковской лирики макрообраз **Двойник** имеет своеобразную семантическую структуру, совместившую в себе элементы семантической структуры лермонтовского и блоковского Демонов, и в то же время несет печать бесспорного своеобразия.

Мотивный анализ дает возможность сопоставить семантическую структуру макрообраза Демон в поэтическом творчестве Лермонтова и Блока.

Лермонтов	Блок
1) особенный неземной	1) особенный, неземной;
2) всесильность, могущество	2) всесильность, могущество;
3) вечность, бессмертие	3) вечность, бессмертие;
4) отверженность	4) отверженность;
5) одиночество вечное и безысходное	5) одиночество вечное и безысходное;
6) бесчеловечность злой, эгоистической воли	6) гибельная страсть;
7) мучимый жаждой восстановления	7) тоска по утраченной идиллии, утраченной гармонии;
8) протест, противодействии	8) неприятие земного мира (мира людей), высокомерное презрение;
9) обреченный на вечное страдание	9) надломленность, уязвимость;
10) стремление к перерождению	10) внутренняя опустошенность, омертвелость.

Очевидно, что первые 5 совпадающих составляющих семантической структуры макрообраза Демон отражают традиционно-романтическое представление о духе зла: 6, 7 и 8-я (у Блока) представляют собой смысловые модификации лермонтовских семантических составляющих и могут считаться аллюзивными; 9 и 10-я – являются индивидуально-авторскими.

Таким образом, сопоставление семантики макрообразов в поэтическом творчестве Лермонтова и Блока, с одной стороны, демонстрирует аллюзивную природу блоковского Демона (могучий сын небес, высокомерно презирающий мир людей, неспособных на глубокие чувства; обреченный на бесконечное одиночество; разочарованный и в то же время тоскующий по утраченной чистоте; «злой дух», чья страсть губительна), с другой стороны, позволяет выявить индивидуально-авторские смыслы: **Лермонтов**: страдающий и стремящийся к перерождению; **Блок**: надломленный, уязвимый; циник, внутренняя опустошенность и омертвелость которого – расплата за утраченную любовь. При этом у Лермонтова актуализирована тема бунта, протеста, а в стихотворениях Блока акцент сделан на мотиве обмана, разочарованности, усталости.

Хотя А. Б. Криницын считает, что в лирике Лермонтова нет мотива двойничества в силу «органической цельности личности поэта» [1], объясняя это тем, что состояния души лирического героя предстают как следующие друг за другом, а не единовременные, представляется возможным утверждать, что блоковский Двойник, опосредованно, через Демона стихотворений 1910 и 1916 годов связан с семантикой лермонтовского образа.

Если и Лермонтов, и Блок, используя самые различные средства речевой образности, последова-

тельно подчеркивали возвышенно-потустороннюю природу, романтический характер демонического героя, то словесный образ двойника сознательно «приземлен». Автор дает сниженное описание внешности героя: «стареющий юноша», «улыбнулся нахально», «нищий дурак», «позорный и продажный, С кругами синими у глаз...», стремясь показать его не инфернальным существом, носителем некоей загадки, а обыкновенным человеком, что способствует формированию первой семантической составляющей макрообраза – «**обыденность, приземленность**».

В макротексте блоковской лирики организуется семантическая изотопия **отверженности, отчужденности от человеческого общества**, уже частично реализуемая в лексемах **нищий дурак**. Пейзаж, создающий ощущение неуютта, холода («*Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...*»; «однажды в *октябрьском тумане* Я брел...»; «... из ночи *туманной*, Шатаясь, подходит ко мне...»; «*И ветер ночной поет* в окно *Напевы сонной панихиды...*»), вкупе с внешней характеристикой двойника (опустившийся пьяница, изгой) становится средством его внутренней характеристики (одиноким, страдающим от холода равнодушного и безлюбивого мира). Так возникают семантические составляющие **отверженности** и **одиночества**.

Кроме того, семантику макрообраза **Двойник** в контексте лирики Блока формируют словесные образы, выстраивающиеся в три тесно связанных друг с другом лексико-семантических ряда. Первый образуют слова, объединенные общими смыслами: «надломленность», «уязвимость» («Мне ни тебя, ни дел твоих не надо, Ты мне *смешон*, ты *жалок* мне, *старик!*»; «Сновидец в розовой дреме Ты – *опрокинутый над бездной* – И долгу грезой бесполезной *Поникий* кормщик на корме»; «И шепчет: *Устал я шататься...*»; «На кресло у огня уселся гость *устало...*»; «Пред гением Судьбы пора *смириться...*»; «Чтоб стал ты, как я, откровенен, Как я, в унижении, *стиренен*»). Второй словесный ряд любовь – разврат, падение («И женщин чужих целовать...»; «Я сам *позорный и продажный...*»; «Отсеребрилась, отзвучала... И вот из-за домов, *пьяна*, В пустую комнату стучала *Ненужно ранняя весна*. Она *сера и неумята*, Она *развратна* до конца, Как *свиньи* тычаты в корыто, *Храпит* у моего крыльца») воплощает идею бездуховности «страшного мира», где нет места возвышенным, безгреховным чувствам.

Особую смысловую нагрузку несет мотив «святого воспоминания», который у Лермонтова и Блока реализуется в словесных образах, близких по своему идейному содержанию: чистота, любовь, вера, добро, красота («Блистал он, *чистый* херувим...»; «Когда он *верил* и *любил...*»; «И вновь постигнул он *святыню любви, добра и красоты...*» – Лермонтов); («О, миг *непродажных* лобзаний! О, ласки *некупленных* дев!»; «И стала мне *молодость* снится, И ты, как живая, и ты...» – Блок). Важно, что выражением мечты об утраченном, символом прошлого у обоих поэтов выступает музыкальный звук, напев:

Лермонтов:

И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг.
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный *звук...*
[5, с. 417–418]

Блок:

Однажды в октябрьском тумане
Я брел, *вспоминая напев*.
(О, миг непроданных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот – в непроглядном тумане
Возник забытый *напев*...

[4, с. 8]

Символ **музыка** и связанный с ним семантический комплекс **звучания** очень продуктивен у Блока, что неоднократно отмечалось исследователями. Так, например, Д. М. Поцепня, говоря о словесных воплощениях художественной идеи в прозе Блока, пишет: «Центральное слово – символ музыка – предопределило особую эстетическую значимость в прозе Блока, как и в поэзии, лексике искусства... и звучания» [6, с. 115].

В системе блоковского «Двойника», так же как и в поэме Лермонтова, **звук, напев** – символ воспоминаний о юности, чистоте, гармонии, которые противопоставлены настоящему, противопоставлены миру, лишенному этих изначальных ценностей, без которых оскудевает ум и сердце.

По мысли Д. Е. Максимова, «столкновение двух сил – «страшного мира» и засветившегося в душе героя образа юности («юность» – это возмездие – полюбившаяся Блоку формула Ибсена), как уже было сказано, составляет в стихотворении его изначальный конфликт, резко выделяющий заложенные в душе ценности, и мотивирует возможность осознания, объективации противоположного им начала, персонифицированного в образе двойника» [2, с. 230].

Таким образом, оппозиция **прошлое** (символом которого выступает **звук, напев**) – **настоящее** является смысловым стержнем в контексте лирики Лермонтова и Блока и в словесных образах передает борьбу света и тьмы в душе лирического героя.

Взаимодействие указанных лексико-семантических рядов обуславливает возникновение семантических составляющих: **надлом, лень, усталость; разочарованность; тоска по утраченной идиллии**.

Последующее развитие поэтической мысли ведет к обогащению семантической структуры макрообраза **Двойник**, семантической составляющей **«чувство вины, раскаяние»**.

Названная семантическая составляющая конкретизируется в символическом образе **память**, контекстуально связанном с символом **путь** («Я брел, *вспоминая напев*»).

При этом символический образ **путь** и символ **память** имеют похожую семантическую структуру (доминантой является семантическая составляющая **«неудовлетворенность настоящим»**: «И стал я мечтой уноситься От ветра, дождя, темноты»), что, видимо, и позволило в свое время З. Г. Минц говорить о возникновении в контексте лирики А. Блока ком-

пильтивного словесного символа **путь памяти**: «знание о прошлом дает человеку нормы высокого, критерий оценки, ... память о настоящем дает ему способность увидеть бездны падения мира и его самого, соотнести свои пути с общими – дает герою **совесть** (Выд. мною – М. С.)» [7, с. 306].

Наконец, обращает на себя внимание чрезвычайно близкий лермонтовскому «Демону» эмоционально-экспрессивный контекст (фон) блоковских стихотворений о двойниках, равно как и способы его вербальной реализации: это прежде всего различные тропы («образ **печальный**», «**тоскующий** вампир», «час **горький**», «**бедный** друг», «**угрюмый** созвездий **печать**», «**бледный город** на заре»); оксюмороны («старейший юноша», «смертное веселье»); прямые номинации («Я **плакал**, сжимая кольцо», «Я **рыдал** в плаще голубом...»; «И кому-то становилось **больно**...»; «Черный человек **плачет** на дворе»; «Склонясь над ней влюблено и **печально**...»). Наконец, формированию изотопии **грусти, печали** способствует эмоционально-психологическое воздействие осеннего пейзажа, который адекватно воспринимается благодаря закреплению за ним традиционному интерпретационному потенциалу.

В результате проведенного анализа в семантической структуре макрообраза **Двойник** выделяются, во-первых, семантические составляющие, общие для структуры лермонтовского и блоковского Демона: 1) отверженность; 2) одиночество; 3) разочарованность; 4) тоска по утраченной идиллии, то есть аллюзивные по своей природе; во-вторых, общая для блоковского Демона и Двойника семантическая составляющая: 5) надломленность, усталость; наконец, эксклюзивные, соответствующие новой ипостаси лирического «я» Блока составляющие: 6) обыденность, приземленность; 7) чувство вины, раскаяние.

Такая семантическая трансформация ключевой для лермонтовской поэзии и чрезвычайно актуальной для зрелого Блока мифологемы, каковой является словесный образ **Демона**, связана с тем, что лирический субъект лермонтовской поэмы и одноименных стихотворений Блока – суть отражение души поэта, а не ее раздвоения. В метаобразе же **Двойника** реализовались не только внутренние противоречия лирического «я» Блока, но и те духовные сущности, которые были порождением «страшного мира». В то же время, несмотря на различие психологической и мировоззренческой основ словесных образов **Демона** и **Двойника**, аллюзивная природа последнего очевидна и анализ его семантической структуры наглядно показывает не только степень включенности поэзии А. Блока в контекст мировой и русской культуры, но и характер влияния на его творчество поэзии М. Ю. Лермонтова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Криницын, А.Б. Мотив двойника в русской поэзии XIX века [Электронный ресурс] / А.Б. Криницын. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru>, свободный. Яз. рус.
2. Максимов, Д.Е. Блок А. Двойник [Текст] / Д.Е. Максимов // Поэтический строй русской лирики. – Л., 1973. – С. 211–235.
3. Максимов, Д.Е. Поэзия и проза А. Блока [Текст] / Д.Е. Максимов. – Л. : Сов. писатель, 1981. – 551 с.
4. Блок, А.А. Собр. соч. : в 6 т. [Текст] / А.А. Блок. – М. : Правда, 1971. – Т. 1. – 2, 3.
5. Лермонтов, М.Ю. Полное собрание сочинений : в 4 т. [Текст] / М.Ю. Лермонтов. – М.; Л. : Гослитиздат, 1948. – Т. 2.
6. Поцепня, Д.М. О словесном воплощении художественной идеи (по прозе А. Блока) [Текст] / Д.М. Поцепня // Вестник Ленинградского университета. – 1972. – №14. – С. 115.
7. Минц, З.Г. Поэтика Александра Блока [Текст] / З.Г. Минц. – СПб. : Искусство-СПб, 1999. – 727 с.